

6. Шафранская, Э. Ф. «Мир – это гранат»: межкультурная символика райского плода / Э. Ф. Шафранская, Г. Т. Гарипова, Ш. Р. Кешфидинов // Журнал Фронтальных Исследований. – 2024. – №2. – С. 188–204.

7. Этимологический словарь русского языка. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереот. – Том I. – Москва: «Прогресс», 1986. – 452 с.

8. Лохвицкая, М. Твои уста – два лепестка граната // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/36215/tvoi-usta-dva-lepestka-granata> (дата обращения: 12.02.2025).

9. Северянин, И. Это было у моря // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/29395/eto-bylo-u-morya> (дата обращения: 12.02.2025).

10. Ахматова, А. А. Бег времени. – Л. : «Советский писатель», 1965. – 472 с.

11. Дышаленкова, Р. Гранатовый куст Ахматовой // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/42436/granatovyi-kust-akhmatovoi> (дата обращения: 25.11.2025).

12. Искандер Ф. Гранат – некоронованный король // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://rustih.ru/fazil-iskander-granat/> (дата обращения: 15.01.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ И ФУНКЦИИ ЯПОНСКОГО СЕТТИНГА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

Хоменко И.Е.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент*

Ключевые слова: русская литература XXI века, японский сеттинг, азиатский сеттинг, массовая литература, рецепция, ориентализм.

Актуальность исследования связана с качественно новым явлением в современном русскоязычном литературном процессе – активным использованием азиатского и, в частности, японского сеттинга как ключевого смыслообразующего компонента художественного мира (нарратива). Этот феномен может быть осмыслен в контексте «третьей большой волны» распространения японской культуры на Западе, которая «принесла и показала нам новую Японию, отодвинув в прошлое растиражированное представление о нее как о стране цветущей сакуры, экзотических гейш и воинственных самураев, добавив в него современный контент – своеобразную матрицу всей японской поп-культуры: комиксы манга, а также самую успешную в мире анимацию» [1, с. 17]. Одновременно данное явление развивается в русле общих закономерностей массовой литературы, для которой характерны «жесткие жанрово-тематические каноны» и ориентация на «жанровое ожидание» читателя. Если в классической традиции образ Японии был частью философско-эстетических поисков или экзотического ориентализма, то в XXI веке он становится продуктом глобализированного культурного потребления и интенсивного диалога с современными медийными индустриями Японии и частью «серийности» издательских проектов [2, с. 4].

Цель работы – сформулировать рабочие определения ключевых терминов и выявить основные типы и нарративные функции японского сеттинга

в свете этой новой культурной волны. Задачи: 1) дать дефиниции понятиям «азиатский сеттинг» и «японский сеттинг»; 2) разработать типологию его функционального использования; 3) проанализировать его эволюцию в современном литературном контексте.

Материал и методы. Материалом исследования послужили произведения русскоязычных авторов XXI века, в которых японский сеттинг играет значимую роль. Применялись методы сравнительно-типологического и структурно-функционального анализа. Теоритической основой выступили концепции ориентализма и культурного трансфера, а также исследования в области массовой литературы, в частности, работы, посвященные ее технологиями создания, жанровым канонам и взаимодействию с медиасредой.

Результаты и их обсуждение. В рамках данного исследования предлагаются следующие рабочие определения:

Азиатский сеттинг – это конструкт художественного мира, организующий принцип которого основан на сознательной стилизации под обобщенные или конкретные культурные, исторические, мифологические или современные медийные коды стран Азии (Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии). Он функционирует как форма литературного ориентализма, где «Восток» выступает в роли экзотического «Другого», и может варьироваться от поверхностного колорита до глубокого интегрированной системы координат, определяющей логику повествования. В рамках массовой литературы такой сеттинг часто служит «декорационным полем», легко усваиваемым фоном, соответствующим готовым читательским ожиданиям [2, с. 4].

Японский сеттинг – это частный, но один из наиболее выраженных в современной русской литературе случай азиатского сеттинга, напрямую связанный с упомянутой «третьей волной». Это художественный мир, чья пространственно-временная, социальная и ценностная организация сознательно моделируется на основе комплекса японских кодов. К ним относятся не только исторические реалии, но, что характерно для новой волны, прежде всего современные медийные формы: комиксы (манга), анимация (аниме), видеоигры, поп-мифология [1, с. 18]. Специфика данного сеттинга в русском контексте – интенсивный диалог с этой актуальной поп-культурной традицией, что роднит его с общей для массовой литературы практикой создания текстов «здесь и сейчас» и ориентацией на медийные образы и «поэтику повседневности», транслируемую глянцевыми изданиями [2, с. 5].

Проведенный анализ позволяет выделить три магистральных вектора, демонстрирующих эволюцию от заимствования форм к усвоению структурных принципов, что отражает постепенное освоение русской литературой содержания «третьей волны», так и различные стратегии внутри системы массовой литературы.

1. Массовое фэнтези и романтика: сеттинг как готовый мир и эстетический бренд.

Данная ситуация непосредственно ориентирована на аудиторию, сформированную новой японской поп-культурой, и соответствует классическим

канонам массовой литературы как «легкого чтива» [2, с. 6]. Примеры: серии о цукумогами, кицунэ, романтические истории в академии магии.

Функция и механизм: Сеттинг выступает как узнаваемый «брендированный» фон, отвечающий запросу на специфическую эстетику и готовые мифологические архетипы. Это соответствует принципу «жанрового ожидания» читателя и «серийности» издательских проектов. Заимствование носит поверхностно-адаптивный характер: японские реалии накладываются на универсальные сюжетные схемы (мелодрамы, приключения), выступая как эффектная декорация. Такая «клишированность на всех уровнях словесной организации» является типичной чертой массовой литературы.

2. «Игры на выживание» и постапокалипсис: сеттинг как тотальная система правил.

Ключевая и инновационная группа, генетически восходящая к японским манге, аниме и ранобэ (лайт-новеллам).

Функция и механизм: Япония становится пространством для социально-психологического эксперимента. Сеттинг – активный агент сюжета: закрытая школа, таинственный остров, игровой мир с жесткими иерархическими кодексами. Это отражает более глубокое усвоение не только образов, но и нарративных структур японской массовой культуры. Культурные особенности (например, групповая иерархия) проецируются в гиперболизированные правила «игры». Этот механизм можно соотнести с общим для массовой литературы моделированием человеческих отношений «в виде готовых игровых правил и ходов».

3. Психологическая и философская проза: сеттинг как вызов и зеркало.

Данный вектор выходит за рамки сугубо развлекательной парадигмы и демонстрирует наиболее зрелую стадию рецепции. Японский сеттинг используется здесь не как самоцель или фон, а как инструмент философской рефлексии, культурного диалога и внутреннего поиска персонажа. Пространство Японии (как современное, так и историческое) становится катализатором для исследования универсальных тем: памяти, экзистенциального одиночества, поиска гармонии, столкновения культурных кодов. В таких произведениях японский контекст часто выступает «зеркалом», в котором герой (а с ним и читатель) заново открывает или переосмысливает собственную систему ценностей. Этот процесс сопряжен с «вызовом» – необходимостью понять иную логику мышления и бытия, что порождает внутренний конфликт и рост. Как отмечается в исследованиях современной русской литературы, подобный поиск «вечных ценностей» и жизненных ориентиров часто реализуется через контраст различий [3, с. 206]. В анализированном корпусе произведений этот вектор представлен текстами, где японская эстетика и философия (ваби-саби, дзэн, моно-но аварэ) становятся не декорацией, а языком для выражения глубоких психологических состояний и философских вопросов.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что японский сеттинг в русской литературе XXI века является динамичным и

многомерным феноменом, эволюционирующим от экзотического украшения и «брендированного» фона к сложному инструменту нарратива и культурной рефлексии. Эта эволюция напрямую связана с «третьей волной» влияния японской культуры, сделавшей доступным для русскоязычного автора и читателя не только набор образов, но и глубинные нарративные структуры и ценностные системы современной японской медиаиндустрии. Выделенные три вектора – массово-развлекательный, игровой и психолого-философский – демонстрируют спектр функций сеттинга: от удовлетворения жанровых ожиданий в рамках массовой литературы до создания пространства для социального эксперимента и глубокого философского диалога. Таким образом, японский сеттинг перестал быть лишь формой ориентализма, превратившись в площадку для интенсивного культурного трансфера и осмысления глобализированной реальности, где поиск вечных ценностей, как отмечают исследователи, зачастую ведется через призму инокультурного опыта [3, с. 207].

1. Японская культура на Западе / колл. монография; под ред. Е. Л. Катасоновой, А. А. Долина : Институт востоковедения Рос. акад. наук. – Москва : ИВ РАН, 2024. – 544 с.

2. Черняк, М. А. Массовая литература конца XX начала XXI века: технология или поэтика? / М. А. Черняк // Филологический класс, УрГПУ – Екатеринбург. – 2008. – № 20. – С. 4–11.

3. Нестерук, В. В. Современная русская литература: в поисках вечных ценностей / В. В. Нестерук. – Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/17749> (дата обращения: 05.01.2026). – Электрон. версия ст. из: Феномен родного языка : коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : сб. науч. статей [по материалам II Международ. науч.-практ. конф., посвящ. Международному дню родного языка, 20–22 февраля 2019 г.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 205– 208.